

АРХИВ

Публицистика сделала архивные материалы глубоко
созвучными нашему времени: прошлое не умирает
в тайниках и сейфах, оно помогает понять
горькую цену наших общих ошибок

Елифанй
Премудрый
составляет
«Житие
Сергия
Радонежского».
Миниатюра
XVI в.

St. Epiphanius
the Wise writing
the Life of
St. Sergius of
Radonezh.
16th-century
miniature

Не погаснут лампы

Владимир КОЗЛОВ

Ровно сто лет назад Ключевский написал: «Ворота Лавры Преподобного затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашим великим строителем земли Русской, как преподобный Сергий». Мог ли тогда предположить великий русский историк, что всего около трех десятилетий отделяют его от трагического факта, когда закрылись ворота великой Лавры и гасли в ней лампы...

Это случилось в незабываемом 1919-м. Не случайно один из первых ударов, нанесенных новой властью по Русской Православной Церкви, был направлен против священных останков русских святых. Целью организованной в 1918—1920 годах чудовищной кампании по «вскрытию мощей» была ликвидация одних из самых почитаемых православными священных реликвий русских подвижников, у огня которых, по словам Г. Федотова, «вся Русь зажигала свои лампы». Также не случайно и символично, что одно из первых кощунственных вскрытий — в Александро-Свирском монастыре Олонцкой губернии осенью 1918 года — сопровождалось разнузданным святотатством и расстрелом настоятеля и нескольких монахов и мирян. В январе 1919 года осквернили мощи глубоко почитаемых в России Тикона Задонского и Митрофана Воронежского. В феврале 1919 года совершили публичное кощунство над останками святых подвижников в сердце православной России — во Владимирской, Тверской, Вологодской и прочих губерниях, вскрыли гробницы и раки преподобных Нила Столобенского, Макария Калязинского, Саввы Сторожевского и других святых.

Все вторые православной России устремились к национальной святыне — Троицкой Лавре, где более 500 лет почивали мощи великого русского святого преподобного Сергия Радонежского. Лавру закрыли вскоре после революции, и начались тяжкие испытания для монахов. Слухи о предстоящем вскрытии мощей преподобного Сергия стали особенно тревожить православных в начале 1919 года. В марте — апреле в Совнарком были отправлены десятки и сотни заявлений цер-

ковных приходов Москвы и других городов. «До глубины души взволнованы известием о предполагаемом вскрытии мощей преподобного Сергия в Троицкой Лавре. Вскрытие мощей Преподобного является оскорблением нашей православной веры и нашего народного чувства», — писали в письме-требовании верующие крупнейшего в Москве храма преподобного Сергия в Рогожской.

Слухи взволновали не только православное население Москвы и Сергиева Посада. Против немедленного вскрытия мощей, о котором объявил Сергиево-Посадский исполком, выступили и руководители Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, опасаясь, что это повредит деятельности создаваемого в Лавре художественно-исторического музея.

Но все это не смогло остановить намерения центральных и местных властей ликвидировать одну из самых почитаемых православных святынь. 11 апреля 1919 года произошло событие, которое на долгие годы ляжет позором на руководителей и исполнителей кампании. В 12 часов 50 минут 11 апреля председатель Сергиевского исполкома Вонханен дал распоряжение приступить к вскрытию. Благочинный Лавры иеромонах Иона и игумен Ананий в присутствии монахов и представителей власти и армии открыли раку, удалили облачения и пелены. Действие продолжалось несколько часов. С удовольствием и непотребным смакованием описывали газеты вид костных останков, атрибуты тления...

Мощи были кощунственно оставлены открытыми. Как казалось властям, тленность останков должна была вызвать разочарование и отвращение от великого гроба. Случилось же наоборот: акт вскрытия вызвал непредсказуемое паломничество и непрерывные молебны над гробом заступника и молитвенника России.

Но впереди Лавру, ее святыни и ее обитателей ждали еще многие тяжкие испытания. За несколько дней до третьей годовщины Октября в 3 часа утра — во время совершения обычного молебна — Лавру окружили красноармейцы, которые арестовали всю братию Лавры (кроме четырех архимандритов и четырех монахов) и отвели арестованных в Чернигов-

ский скит. Троицкий собор, а затем и все храмы были запечатаны. Это стало тяжелейшим ударом для Православной Церкви. «Лавра имеет не только местное, но и всероссийское значение, ее святыня привлекала к себе богомольцев из всех отдаленных городов и селений Русской земли, а потому закрытие Лавры и насильное прекращение богослужения в ее храмах несомненно является оскорбительным для религиозного чувства всего православного русского народа», — писали 7 ноября 1919 года в Совнарком представители церковной общины Лавры.

Закрытие храмов, и особенно Троицкого собора со священными останками, вызвало новый поток заявлений и просьб православных в Совнарком. Чрезвычайно взволновала верующих и предполагаемая властями перевозка святых мощей в один из московских музеев. В феврале, а затем и 10 мая 1920 года патриарх Тихон обращался к Председателю Совнаркома В. И. Ленину с просьбой об открытии храмов Лавры, доступе верующих ко гробу преподобного Сергия. Обращения Святейшего к руководителю государства чрезвычайно важны как спокойными взвешенными предложениями о совместном использовании памятников Лавры Церковью и музеем, так и тем, что в них недвусмысленно дается оценка оскорбительного для православных закрытия Лавры. К этому письму-обращению Патриарх приложил записку на имя управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича с кратким текстом: «Снова беспокою Вас покорною просьбою срочно передать г. Председателю Совета Народных Комиссаров прилагаемое при сем мое обращение к нему».

Патриарх неоднократно пытался пробиться к главе правительства. Несомненно, В. И. Ленин знал об этом, как и о том, в каком положении находится Православная Церковь. И потому абсолютно понятны смысл и цели Декрета Совнаркома от 20 апреля 1920 года об обращении Лавры в музей: под прикрытием охраны монастырских памятников власти стремились ликвидировать почитание православных святых Троице-Сергиевой Лавры. Неоднократные попытки Церкви и лично патриарха обстоятельно решать возникающие с властями конфликты были тщетны: атеистическое государство уже почувствовало вкус безнаказанности и вседозволенности и не желало идти ни на какие переговоры с руководителями Церкви. На безуспешность стремления Церкви найти общий язык с советским правительством и указывает патриарх Тихон в своем послании от 10 августа 1920 года. Когда патриарх обратился к В. И. Ленину с просьбой оставить Лавру и святые мощи в неприкосновенности, он получил

ответ, что «председатель СНК занят обсуждением важных дел, и свидание не может состояться и в ближайшие дни». Святейший, не дождавшись ответа, послал в адрес СНК новое обращение. Чем закончились эти попытки Тихона, мы узнаем из того же послания от 10 августа: «На днях мы получили от Совета Народных Комиссаров такой ответ на наше обращение: «Жалобу гражданина Белавина (патриарха Тихона) на постановление Московского губисполкома о перевозке мощей из Троице-Сергиевой Лавры в один из московских музеев от 10 мая оставить без последствий. Предложить Московскому исполкому Совета рабочих и крестьянских депутатов в порядке циркуляра Наркомюста от 25 августа 1920 г. о ликвидации мощей закончить ликвидацию мощей Сергия Радонежского, т. е. привести в исполнение постановление Московского губ. исполкома от 26 марта с. г. о перевозке мощей в московский музей».

И опять Совнарком стал получать множество обращений тысяч верующих с просьбами открыть Лавру. Поток просьб и требований был, вероятно, так велик, что в 1921 году Президиум ВЦИК попросил Красикова дать свое заключение о возможности открытия Троицкой Лавры. Красиков не подошел формально к такой высокой просьбе и дал отчет вполне достойный большого «знатока» по церковным делам, каковым его считал В. И. Ленин. В ответе в канцелярию ВЦИКа и в Моссовет он сообщил, что Лавра обращена в музей, а часть ее территории занята электротехнической академией, курсами школой и Институтом народного образования, а потому отправление культа в Лавре «вредно отразилось бы на ходе занятий». Однако такие доводы и самому Красикову показались недостаточно обоснованными, и он продолжал «более убедительно»: «Троицкая Лавра, будучи историческим центром царистского и шовинистического влияния церковников, уже в послереволюционное время Патриархом и местными реакционными элементами (как, например, бывшим князем Олсуфьевым, быв. членом церковного Собора Мансуровым, церковником проф. Флоренским, бывшей княжной Шаховской... и др.) едва не была использована в качестве национального центра, откуда, по мысли основателей общества защиты Троицкой Лавры, должен был раздаться клич о спасении разбитой большевиками России». Упомянув в заключение столь обширного письма, что в Сергиевом Посаде достаточно много открытых церквей, Красиков указал, что возглавляемый им ликвидационный отдел Наркомюста за то, чтобы «ходатайство открытия Троицкой Лавры было оставлено по всем указанным выше основаниям без последствий».

Отречемся от
старого мира?..

Red
Army men
plundering
churches.
Photo from
archives

Без сомнения, все эти «обоснования» Красикова существенно повлияли на будущее Лавры. Даже в большевистских рядах были такие, что понимали недопустимость надругательства над мощами святых. Так, соратник Ленина, большевик С. И. Мицкевич (вскоре он будет основателем и директором Государственного музея революции) писал 22 апреля 1920 года своему вождю: «Я считаю... что ничего более нелепого и вредного для нас, как это пресловутое вскрытие, нельзя и представить. Это никого ни в чем не убеждает, распространяются легенды, что настоящие мощи прячут, а всовывают поддельные. Озлобление же растет. Особенно вредно это в настоящий острый момент мобилизации и наступления Колчака. Это ведь, кроме того, является нарушением принципа отделения Церкви от государства... Необходимо срочно дать распоряжение о прекращении повсеместно этих актов и вообще против поступков, грубо нарушающих религиозные чувства населения: курение в церкви, нахождение в шапках в алтарях. Это проделывают нередко присутствующие там коммунисты, нередко пьяные...»

И на этом письме, переправленном Лениным в Наркомат юстиции, стоит интересная резолюция Красикова: «...Я считаю, что Мицкевич находится в паническом настроении...»

Троице-Сергиева Лавра сполна разделила всю трагедию Русской Церкви — и изъятие церковных ценностей, и использование храмовых помещений под клубы, столовые, тир, и пожары, и уничтожение колоколов (в том числе самого большого в России лаврского 67-тонного колокола) и пушек — свидетелей славной обороны от поляков во время Смуты XVII века, и многое другое. А в 1930 году власти уничтожили самое имя древнего Сергиева Посада, дав ему — будто в насмешку — имя человека, профессией которого было революционное насилие. Но, как утверждала верующая Россия, великий молитвенник и печальник преподобный Сергий, чьи останки так и не удалось вывезти прочь из обители, отстаивал Отечество в тяжкие времена. И недаром: несмотря ни на что, Лавра стала первой из обителей России, возродившихся после десятилетий забвения и мерзости запустения.